© 2011 г.

Н.Ю. ЗАБЕЛИНА

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: НЕМЦЫ ГЛАЗАМИ БРИТАНЦЕВ

В годы Первой мировой войны многие привычные представления о других народах подверглись существенному пересмотру. Это явление можно наблюдать на примере восприятия британцами немцев, их главных соперников в Первой мировой войне. Польская исследовательница А. Чесьликова предлагает следующую классификацию образов другого народа: создаваемый (идеологический), запрещенный и образ, формирующийся на основании личного опыта¹. Во время Первой мировой войны у многих британцев появилась возможность составить мнение о немецком народе на основании личных впечатлений. Те, кто не был на фронте, получали информацию в основном из прессы. Британская пропаганда накануне и во время войны старалась сформировать у населения определенный образ врага. В то же самое время, у очевидцев и участников войны также складывалось свое представление о противнике. При этом не стоит забывать, что восприятие врага накладывалось на традиционный, исторически сложившийся образ немца.

В начале XX в. тема конкуренции и возможной войны с Германией, а также вопросы вооружений, всеобщей воинской повинности, шпионажа вызывали непреходящий интерес английской публики. При этом в Англии не существовало традиционной ненависти к Германии². К немцам относились с уважением как к народу, этнически самому близкому к англичанам³. “Но в течение нескольких лет недоверие и подозрения, которые нашли отражение на страницах периодической печати и выливались в различные колкости и обвинения, задевали национальную гордость Германии”, – писал известный журналист Ф. Гиббс⁴. Успехи, которые продемонстрировала британская пропаганда в конструировании образа врага во время войны, не могли возникнуть на пустом месте.

На общественные настроения в Великобритании сильно повлияла южноафриканская кампания, вызвав болезненную реакцию на критику со стороны периодической печати континентальных стран. Во время англо-бурской войны немецкое общество, особенно интеллектуальная элита и пресса, выступило с резкой критикой в адрес Великобритании. При этом немецкие власти делали всё возможное, чтобы в глазах англичан дело выглядело так, будто она исходит лишь от отдельных изданий (в периодической печати России и особенно Франции неудачи англичан в войне с бурами и вовсе стали предметом насмешек⁵). Англичане не простили этого немцам. Уже во время Первой

Забелина Наталия Юрьевна – научный сотрудник Государственного исторического музея.

¹ Чесьликова А. Советский Союз и Россия в 1945–2002 гг. в глазах поляков. – Польша – СССР, 1945–1989: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005, с. 389.

² Gibbs Ph. Now It Can be Told. London, 1920, p. 5.

³ Newsome D. The Victorian World Picture. London: Perceptions and Introspections in an Age of Change. 1997, p. 54.

⁴ Gibbs Ph. Op. cit., p. 5.

⁵ Крэмб Дж.А. Германия и Англия. – Британская империя. М., 2004, с. 418.

мировой войны они порой припоминали врагам нелицеприятные высказывания времен южноафриканской кампании.

Именно во время англо-бурской войны в первые ряды представителей печатного мира выдвинулся газетный магнат А. Хамсуорт. Придерживаясь антигерманских взглядов, он старался донести их до читателей принадлежавших ему изданий⁶. С его мнением многие были готовы согласиться. Раздражение простых британцев провоцировало засилье немецких товаров. Экспансионистские устремления Германии также по понятным причинам не могли вызывать одобрение⁷.

В Британии заговорили о слишком большом экономическом влиянии живущих в стране немцев. Нездоровые настроения подогревались историями о шпионах, действующих на территории Британской империи. «Сотнями якобы “британских” компаний на самом деле управляют немцы! Германские шпионы внедрились в деловую сферу нашей страны с тем, чтобы подготовить наш крах», – пугали соотечественников “бдительные” авторы⁸. Многими гражданами Соединенного Королевства постепенно овладевала шпиономания, подозревали даже живших в их семье слуг и гувернанток немецкого происхождения. К. Пил, автор воспоминаний об общественной жизни в Британии накануне и во время войны, приводит в своей книге такой случай: маленький ребенок спросил мать, должны ли они “убить бедную фройляйн”⁹.

Немецкоязычная диаспора, половина которой проживала в Лондоне, по численности занимала второе место после русской. Согласно переписи 1911 г., в Британии проживало около 60 тысяч немцев. Помимо этого, примерно 6,5 тысяч уроженцев немецких земель были подданными британской короны¹⁰. Факторами, привлекавшими немецких иммигрантов на острова, являлись либеральная общественно-политическая атмосфера и развитая экономика Британской империи. Основной сферой, в которой было занято большинство немецкоязычного населения Британии, стала сфера обслуживания¹¹. Выходцы из Германии работали в основном портными, парикмахерами, пекарями и т.д. В 1914 г. эти люди стали жертвами большой политики, и страна, где многие из них трудились вполне добросовестно, без тени сожаления указала им на дверь.

Британские интеллектуалы в определенной степени симпатизировали Германии, охотно сотрудничали с ее научными кругами, особенно в образовательной сфере. Однако интересы Британской империи традиционно находились на первом месте. Когда началась Первая мировая война, перед культурной и научной элитой стоял непростой моральный выбор: поддерживать официальную политику властей, отказавшись от прежних связей с иностранными коллегами и зачастую друзьями или сохранить их, рискуя вызвать недоумение сограждан¹².

Покушение на британские святыни – морское, торговое и колониальное доминирование в мире – воспринималось очень болезненно представителями всех социальных слоёв, и именно на этом постаралась сыграть пропаганда. Постепенно была подготовлена подходящая почва, чтобы в 1914 г., когда Англия вступила в войну, общество смогло довольно легко воспринять пропаганду. После объявления войны 4 августа 1914 г. взбудораженные толпы принялись громить магазины, лавки и рестораны, принадлежавшие немецкоязычным жителям английских городов. По Лондону поползли слухи, будто

⁶ *Хармсуорт Альфред, виконт Нортклифф* (1865–1922) – владелец таких изданий, как “London Times”, “Daily Mail”, “Evening News”. Во время войны являлся главой Департамента по пропаганде во враждебных странах.

⁷ *Playne C.* Pre-war mind in Britain. London, 1928, p. 268.

⁸ *Le Queux W.* The Invasion of England. London, 1914, p. 157.

⁹ *Peel C.S.* How We Lived Then: 1914–1918. London, 1929, p. 40.

¹⁰ *Yarrow S.* Impact of hostility on Germans, 1914–1918. – The politics of marginality: race, the radical right, and minorities in twentieth century Britain. London, 1990, p. 98.

¹¹ *Ibidem.*

¹² Отношение британской интеллектуальной элиты к Германии во время Первой мировой войны рассматривается в монографии С. Уоллеса (см.: *Wallace S.* War and the image of Germany: British academics, 1914–1918. Edinburgh, 1989).

кругом полно шпионов¹³. Г. Боттомли, возглавлявший шовинистическое издание “John Bull”, приложил максимум усилий, чтобы развить в своих соотечественниках ненависть к немцам. “Если вы, сидя в ресторане, обнаружите, что обслуживающий вас официант – немец, выплесните суп прямо в его грязную рожу”, – призывал своих соотечественников Боттомли¹⁴. Сообщалось, что клиенты цирюльников-немцев могут быть зарезаны, а покупатели в немецких лавках – отравлены. Хозяева спешно вывешивали “Юнион Джек” из окон своих заведений, меняли их названия и даже собственные фамилии на английский манер.

По словам полиции, в первые дни войны было задержано несколько десятков лиц, подозреваемых в шпионаже¹⁵. В Великобритании стали выходить публикации о “немецкой шпионской сети”, содержащие рекомендации по борьбе с ней. Особенно преуспел на этом поприще У. Ле Ке, автор книги “Немецкие шпионы в Англии”. Его труд был оценен властями: мэр Лондона назвал книгу весьма полезной, так как в ней говорилось о “достаточно серьезной опасности, грозящей стране”¹⁶. Ле Ке был среди критиков правительства, считавших, что нужны более радикальные меры по отношению к немецкоязычному населению Британии. Его возмущали заверения властей, будто все британские немцы учтены и находятся под наблюдением, тогда как-де он сам видел их в одном из лондонских ресторанов – один из них предлагал тост за “крушение Британии”¹⁷. По мнению Ле Ке, народ был недоволен тем, что правительство не желает решать проблему шпионов “должным” образом¹⁸.

С началом войны глухое недовольство против немецкоязычной диаспоры Британии переросло, подогреваемое пропагандой, в открытую вражду. На самом высоком уровне стали раздаваться голоса в пользу интернирования всех немцев, проживающих в Британии. Премьер-министр Асквит колебался, опасаясь оппозиции внутри собственной либеральной партии¹⁹.

В мае 1915 г. произошла трагедия с британским лайнером “Лузитания”, торпедированном немецкой подводной лодкой. Факт гибели флагмана пассажирского флота Британии широко использовался как британцами, так и их противниками в пропагандистской войне. В результате катастрофы погибло 1198 человек, среди них было немало граждан нейтральных на тот момент США. По Британии поползли слухи, что на самом деле жертвами стали по меньшей мере полторы тысячи пассажиров²⁰. В мае 1915 г. по беднейшим кварталам английских городов прокатилась волна антигерманских выступлений – эти события стали пиком массовых уличных акций. Горожане под впечатлением от происшедшей трагедии снова принялись громить и грабить соседей немецкого происхождения, с которыми еще недавно мирно жили бок о бок. Правительство, будучи не в силах обуздать народные волнения, пошло на поводу у толпы и организовало репатриацию этнических немцев. 13 мая 1915 г. было объявлено, что все лица мужского пола призывного возраста – выходцы из Германии должны быть интернированы²¹. Женщины, дети и старики подлежали депортации, за исключением особых случаев²².

¹³ MacDonagh M. In London During the Great War. The Diary of a Journalist. London, 1935, p. 15.

¹⁴ Horatio Bottomley – the soldier’s friend. –<http://www.aftermathww1.com/horatio1.asp>.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Le Queux W. German Spies in England. London, 1914; *idem*. Britain’s deadly peril. London, 1915.

¹⁷ Le Queux W. Britain’s deadly peril, p. 96.

¹⁸ Ibid., p. 109.

¹⁹ Yarrow S. Op. cit., p. 105.

²⁰ Asquith C. Diaries. 1915–1918. London, 1968, p. 17.

²¹ В 1918 г., ко времени заключения перемирия, в английских лагерях для интернированных находилось порядка 25 тыс. чел. В 1921 г. число немецкоязычных жителей Британии составляло менее четверти от довоенного показателя. К тому же до 1931 г. выходцам из Германии было запрещено подавать прошения о получении британского гражданства.

²² Yarrow S. Op. cit., p. 107.

Обстановка вокруг гибели “Лузитании” накалилась в связи со слухами о выпуске правительством Германии памятной медали в честь этого события, что вызвало бурю возмущения у британцев. Значительно позже оказалось, что эта медаль была изготовлена частным мастером и не имела никакого отношения к официальным властям²³.

В ноябре 1916 г. прозвучало предложение снести памятник видному философу, историку и писателю Томасу Карлейлю, известному своими симпатиями к Германии²⁴.

Масла в огонь в деле разжигания антигерманских настроений подливали и представители печатного мира. С подачи Нортклиффа в прессу попала история о канадском солдате, распятом на двери сарая и заколотом немецкими штыками. Эту историю можно назвать одним из самых живучих мифов времен Первой мировой войны. Батальон, в котором якобы служил этот солдат, всю войну находился в Индии²⁵. Как и послевоенные критики подобных пропагандистских методов, современные ученые расценивают эту историю как одну из самых дискредитированных легенд времен Первой мировой войны²⁶.

Даже в самый разгар войны некоторые отказывались верить в массовую поддержку немцами участия в войне. В основном это касалось просвещенных слоев общества. В памфлете 1916 г. историк и общественный деятель Дж. Брайс писал: “Я не склонен думать, что немцы, какими я их знаю в течение полувека, с тех пор, как учился в немецком университете, поддерживали намерения своего правительства”. Похожими на оправдание звучат слова историка и дипломата о том, что до войны его страна не испытывала неприязни по поводу экономических успехов государства-конкурента. По мнению Брайса, война представляла собой конфликт правящих элит, и его соотечественники ничего не имели против народа Германии²⁷.

Образованные британцы воспринимали войну и военнопленных в духе Женевской и Гаагской конвенций: войны ведутся между государствами, а не отдельными людьми. В том же ключе пытались подавать происходящее и некоторые представители власти, правда, довольно быстро переходя к обобщениям. “Мы воюем не с германским народом. Германский народ находится под пятой военной касты, – говорил в одной из своих первых речей, посвященных войне, Д. Ллойд Джордж, бывший в то время министром финансов в правительстве Г. Асквита. – Если старый британский дух жив в наших сердцах, мы должны как следует проучить этого буяна (прусского юнкера – *Н.З.*). Немцам нравится думать, что мы – вырождающийся и приходящий в упадок народ, негероическая нация, которая прятется за конторками и прилавками, прикрываясь силой флота”. “Немецкие крестьяне, – полагал министр, – обладают большим добродушием, но им привито ложное представление о цивилизации”²⁸. Многие считали, что бремя ответственности за развязывание войны должно быть возложено, помимо вредных теорий Фридриха Ницше²⁹ и “злых гениев” вроде императора Вильгельма, на каждого немца в отдельности. Влиятельная газета британских деловых кругов “Financial News” в конце сентября 1914 г. писала: “Всё, что нужно Германии – безжалостное наказание, которое легло бы тяжким бременем на каждого участника этих ужасных деяний – каждого гражданина”³⁰. Спасение западной цивилизации трактовалось как моральный долг Британии.

Шотландский капеллан, участник войны, приводя хрестоматийный пример зверств противника, когда кайзеровские солдаты заперли французскую семью в доме и подо-

²³ *Ponsonby A. Falsehood in war-time. London, 1929, p. 124.*

²⁴ *Playne C. Society at war, 1914–1918. London, 1931, p. 269.*

²⁵ *Ponsonby A. Op. cit., p. 68.*

²⁶ Alleged German “war crimes”// <http://www.nationalarchives.gov.uk/pathways/firstworldwar/spotlights/alleged.htm>. 11.02.2007.

²⁷ *Bryce J. The Attitude of Great Britain in the Present War. London, 1916, p. 26.*

²⁸ *Ллойд Джордж Д. Через ужасы к победе. Речи, произнесенные во время войны, Пг., 1916, с. 21–22.*

²⁹ В начале войны в Англии при участии преподавателей Оксфордского университета вышел ряд памфлетов, в которых Ницше был представлен как главный вдохновитель войны, а его теории – как наиболее враждебные по отношению к Англии.

³⁰ Цит. по: *Angell N. Prussian in Our Midst. London, 1915, p. 26.*

жгли его, рассуждал: “Вот такую память о себе оставляют представители нации, чья профессура четырнадцать лет назад, во время бурской кампании, надрывала глотки по поводу того, что жены и дети буров подвергались опасности в концентрационных лагерях”³¹. Немцам – “туркам Запада”³² – сразу же припомнили все их нападки на Великобританию.

В информационной войне активную роль играли известные британские писатели, действовавшие в русле официальных доктрин, среди них Р. Киплинг и А. Конан Дойль. Лишь незначительная часть интеллектуальной элиты выступила против войны и дискредитации образа немцев. Противник изображался в манере, понятной любому, даже малообразованному человеку. Враг – не только исполнитель воли руководства страны, но и активный, сознательный участник войны. Простой народ вымещал свое негодование на представителях немецкой диаспоры Великобритании.

Итак, какой же образ врага мог сложиться у читающего британца, следящего за происходящим в мире? Англия воюет с государством, которое нагло посягнуло на мировую гегемонию и в этом стремлении беззастенчиво попало нормы международного права. Немецкие солдаты бесчинствуют на захваченных территориях, не церемонясь с местным населением. Англия, если ей небезразлична судьба мировой цивилизации, должна была это прекратить, к чему и призывались читатели прессы и памфлетов.

Чем меньше люди сталкивались с неприятелем в лице немцев непосредственно, тем сильнее ощущалось влияние пропаганды. Очевидец событий журналист Г. Файф писал по этому поводу: “Среди тех, кто не видел войны, особенно среди женщин (в основном представительниц привилегированных слоев общества), среди людей, оставшихся дома из-за болезни или убеждений, преобладала навязчивая идея, что воюющие против нас государства сплошь состоят из жестоких преступников, заслуживающих безжалостного уничтожения. Политики еще более усугубляли это безумие”³³. То же самое писал сразу после войны и журналист Ф. Гиббс. Истерия, подогревавшаяся прессой и пропагандой, доходила до того, что когда солдаты приезжали в отпуск и рассказывали, то мужественно сражается и погибает враг, их рассказы вызывали у матерей и сестер недоуменное молчание³⁴. Британский историк П. Лиддл справедливо заметил, что общество Британии было настроено весьма решительно и нацелено на войну до победы. Он также подчеркнул большую роль пропаганды в конструировании образа немца как “коварного, циничного и жестокого противника, которому необходимо преподать урок”³⁵. В газетах публиковались письма читателей, где выражалась радость по поводу гибели на войне “тысяч фрицев”³⁶. В марте 1915 г. консервативная газета “Morning Post” опубликовала статью известного британского писателя Г. Беллока, в которой говорилось: “Мы чрезвычайно рады, что русские сожгли Мемель, и надеемся, что союзники сожгут как можно больше немецких городов, прежде чем война закончится”³⁷.

Участник войны Ч. Эдмондс, как и многие его сослуживцы, считал, что соотечественники, оставшиеся в тылу, достойны жалости. Они пребывают во власти заблуждений, в них то и дело пытаются вызвать “ненависть к гуннам” политики и пропагандисты. Этим людям не довелось испытать настоящего чувства товарищества, ощутить поддержку, без которой солдаты не прожили бы и дня. “Даже в окопах отношение к врагу было гуманнее, чем в тылу. Истории о зверствах немцев сочинялись вовсе не на фронте”, – делал вывод Эдмондс³⁸.

³¹ *Thompson G. War Memories and Sketches (by a Scottish chaplain). London, 1916, p. 95.*

³² *Ллойд Джордж Д.* Указ. соч., с. 68.

³³ *Fyfe H. The Illusion of the National Character. London, 1946, p. 10.*

³⁴ *Gibbs Ph.* Оп. cit., p. 76.

³⁵ *Лиддл П., Дайест В.* Многие жаждали войны. – Родина, 1993. № 8–9, с. 162.

³⁶ *Playne C.* Оп. cit., p. 101.

³⁷ Цит. по: *Angell N.* Оп. cit., p. 26.

³⁸ *Edmonds Ch. A subaltern's war. London, 1929, p. 202.*

Очевидцы событий безоговорочно признавали за немецкой армией – “армией Фридриха Великого, Блюхера и Мольтке” – совершенное владение военным искусством, несомненный патриотизм, отмечали значительный, хотя и быстро таявший, резерв квалифицированных офицерских кадров³⁹. Говоря о бесспорной храбрости немцев, очевидец войны на Восточном фронте Джон Морсе, например, объясняет ее жестокостью кайзеровских офицеров. Для солдат единственным способом избежать неприятностей было стремление показать себя в бою с хорошей стороны⁴⁰. В качестве наглядного примера обращения немецких офицеров с подчиненными Морсе рассказывает о музыканте из военного оркестра, который, сыграв фальшивую ноту, тут же получил оплеуху от капельмейстера. “Я полагаю, – рассуждал далее Морсе, – что только в армии Германии мог произойти подобный инцидент. Каков поп, таков и приход: одна жестокость порождает другую”⁴¹. Многие очевидцы отмечали, что немецкие офицеры, будучи образованными и воспитанными людьми, грубо обращались со своими подчиненными.

Гиббз цитирует немецкую инструкцию для офицеров, где сказано, что в бою смелость важнее тактических изысков, поэтому каждый офицер должен следить за боевым духом своих подопечных. Однако должный настрой, по словам английского журналиста, поддерживался не только за счет “духовной пищи”. Друг Гиббза, военный медик из Кента, убедил сомневавшегося сначала журналиста, что немецким солдатам для подавления чувства страха и нерешительности дают специальные химические стимуляторы. Эти таблетки, сообщал Гиббз, в большом количестве были найдены в покинутых немцами окопах⁴². Германия привлекает для военных целей научные и промышленные достижения, – такой вывод не без ехидства делает британский журналист.

Помимо этого, отмечал Гиббз, и другие усилия военного руководства Германии направлены на поддержание боевого духа среди солдат. Для этого организуются концерты, богослужения, пивные вечеринки, солдаты получают песенники и молитвенники, поступающие новости специальным образом фильтруются, чтобы поддерживать необходимый настрой⁴³. Подобная система “нравственного воспитания” существовала и в британской, и в других армиях. Но неспроста британцы так заостряли внимание на этом аспекте полевой жизни неприятеля: их поражала немецкая методичность и отточенность системы манипулирования сознанием солдат. Когда наступал момент атаки, “заботливое” командование безжалостно посылает всю эту массу людей против Антанты⁴⁴.

Гиббз был одним из немногих очевидцев войны, кто старался не только описать события, дать собственную оценку происходившему или представить читателям “портрет врага”, но также пытался понять противника, представить, о чем тот думает, какими соображениями руководствуется. Корреспондент не стремился представить врага убожеством, не заслуживающим внимания. Гиббз рассказывал в том числе и о благородных поступках, совершенных немцами по отношению к английским солдатам. Но, видимо, корреспондент позволял себе слишком много, приводя подобные примеры – он получил от редакции телеграмму, где было выражено недовольство по поводу столь лестных для неприятеля характеристик⁴⁵.

Главное, по мнению Гиббза, чего не хватало немцам и чем обладали англичане, – это чувство юмора. К этому выводу журналист пришел, исследуя попавшие к нему ин-

³⁹ См. например: *Edmonds Ch. Op. cit.*, p. 28.,

Ellison W. My First Escape from Ruhlleben. – http://www.greatwardifferent.com/Great_War/Great_War_Great_Escapes/Great_War_Great_Escapes_02.htm.

⁴⁰ *Gibbs Ph. The Battle of the Somme.* London, 1917, p. 196.

⁴¹ *Morse J. An Englishman in the Russian ranks. Ten months fighting in Poland.* London, 1916, p. 53.

⁴² *Gibbs Ph. The battle of the Somme*, p. 200.

⁴³ *Ibid.*, p. 197.

⁴⁴ *Ibidem.*

⁴⁵ *Ponsonby A. Op. cit.*, p. 21.

струкции для офицеров. Инструкции британец счел наивными и подтверждающими отсутствие чувства юмора у немецких военачальников. Оно отсутствует у немцев как некая неотъемлемая составляющая национального характера, тогда как британцы, даже воюя, умеют веселиться.

У. Эмануэл, журналист юмористического издания “Punch”, в марте 1915 г. писал: “Немцы сражаются прекрасно, ничего не скажешь. Но их отвага сопровождается жестокостью. Особенность же британского солдата заключается в его юморе. А так как он обладает чувством юмора, то он обладает и гуманностью. Два этих качества неразделимы. Веселый человек редко бывает злым. Томми Аткинс не может ненавидеть так же яростно, как Ханс (я чуть было не написал Гунн) Шмидт⁴⁶. Не может он так ужасно обходиться с женщинами и детьми”⁴⁷. При этом журналист “Punch” подчеркивает, что юмор Томми Аткинса нельзя назвать особо интеллектуальным, но зато этот юмор “от сердца”. “Наши люди, лежа в окопах и кормя крыс, понимали, что между ними и врагом есть только смех”, – писал Гиббз⁴⁸.

И корреспондент серьезных газет Гиббз, и призванный громить врага сатирой сотрудник “Punch” Эмануэл дают практически идентичную характеристику противника: да, это доблестный воин и достойный соперник, но чрезвычайно жестокий и напрочь лишенный чувства юмора. То, что написали два этих журналиста, некоторым образом перекликается с рассуждениями Ллойд Джорджа, который говорил в своих речах: “Бог создал человека одухотворенным высшими стремлениями. Германская цивилизация хочет пересоздать его на подобие дизель-машины – точной, аккуратной, сильной, но не оставляющей никакого места для души”⁴⁹. Сравнение немецкой армии с машиной встречается в воспоминаниях британцев очень часто. Однако эта мощная машина имела свойство удивительным образом распадаться на множество отдельных элементов. И ими были вовсе не бессловесные винтики огромного механизма, а (в восприятии британцев) нормальные живые люди со своими особенностями. Во время войны, как это ни парадоксально, солдаты часто описывали случаи, когда враг делал им добро.

Один участник войны вспоминал, как тяжелораненый немецкий солдат спас его, не выдав. Это случилось в бельгийском госпитале: британец помогал работникам госпиталя, а заодно и прятался от периодически навещавшегося немецкого офицера. Британец опасался, что раненый солдат выдаст его. Тот не мог говорить, но однажды, после очередной проверки, молча поднес палец к губам. “Это было благородно с его стороны, – говорит британец. – Мы с ним были товарищами по несчастью”⁵⁰. Можно привести и другие примеры. Артиллеристу Харольду Лоутону пришлось какое-то время провести в немецком лагере для военнопленных⁵¹. Там Лоутон познакомился с соотечественником, очень эрудированным человеком, который дважды предпринимал попытки к бегству. Несмотря на это, немцы его любили. Англичанин при попытке сбежать из лагеря использовал катер. Офицеры, задержавшие его, дали понять, что против его побега они ничего не имеют. Единственное условие – экономный расход топлива. Те офицеры, по словам Лоутона, представляли собой “прекрасный тип немцев” – они знали всё об армейской жизни⁵². Здесь опять встречается знакомый сюжет – заботливые образован-

⁴⁶ Томми Аткинс – англичане в целом, Ханс Шмидт – немцы. Гунны – союз азиатских племен, участвовавших в Великом переселении народов и считавшихся образцом варварства.

⁴⁷ Emanuel W. The Humour of T. Atkins. From the “War Illustrated”. http://www.greatwardifferent.com/Great_War/T_Atkins_Humor/T_Atkins_Humor_01.htm.

⁴⁸ Gibbs Ph. Now it Can Be Told, p. 90.

⁴⁹ Ллойд Джордж Д. Указ. соч., с. 17.

⁵⁰ Beaumont H. From the book “Trapped in Belgium”. – http://www.greatwardifferent.com/Great_War/Trapped_in_Belgium/Trapped_in_Belgium_01.htm.

⁵¹ В этом лагере были любопытные порядки: все лагерное население делилось на две группы в зависимости от образования. Люди с приличным образованием, к которым относился и Лоутон, получали, как правило, более легкие задания.

⁵² Last post. The Final Word from Our First World War Sources. London, 2006, p. 173.

ные немецкие офицеры, которые знают истинную цену этой войне и не испытывают особого желания “покарать Англию”⁵³.

Писательница Мэй Синклер, побывавшая в госпитале в Бельгии, описывала раненого немецкого солдата с подлинным сочувствием и без тени злобы: “красивый и пышущий здоровьем, с закрученными, как у кайзера, усами”, теперь он лежал беспомощно, а вокруг бушевала толпа бельгийцев. “Вы просто не смогли бы испытывать к нему ненависть”⁵⁴, – вспоминает Синклер. Для британцев – очевидцев войны – немцы были скорее конкурентами, а не врагами. Британцы не считали зазорным проявить по отношению к врагу милосердие, но также легко и хладнокровно могли собственноручно застрелить немецкого солдата или отдать соответствующий приказ. Упомянувшийся выше Ч. Эдмондс писал в мемуарах: “Долг, повелевающий тебе убивать врага, не велит тебе его ненавидеть. Ненависть – большее отступление от гуманизма, чем убийство”⁵⁵.

Уже после окончания Второй мировой войны Г. Файф писал о войне 1914–1918 гг.: “В каждой стране народ учили воспринимать врага как нечто совершенно непохожее и, естественно, низшее. Абсолютно одинаковые приемы в разжигании ненависти, такая же ложь с целью вызвать злобу и отвращение – всё это имело место у обеих воюющих сторон. В войсках это почти не имело успеха. Солдаты быстро поняли, что те, кто им противостоит, находятся в одной с ними упряжке”⁵⁶. Особый кодекс чести существовал в среде авиаторов. История сохранила множество примеров, когда английские и немецкие летчики выказывали друг другу знаки уважения. Британский летчик У. Дуглас спустя много лет после окончания войны рассказывал, как во время съемки местности он заметил немецкий самолет. Противник не собирался стрелять, и Дуглас со своим напарником поприветствовали немца, помахав рукой. Противник также поприветствовал их. “В то время, – вспоминал Дуглас, – это вовсе не казалось мне странным. Между теми, кто летает, даже между врагами, существует симпатия”⁵⁷. Еще один красноречивый пример этических норм, существовавших среди представлявших враждующие стороны авиаторов, содержится в рассказе другого участника войны, Г. Джонса. Немецкий аэроплан, пролетая над аэродромом, сбросил несколько бомб, чтобы привлечь внимание, а после этого сбросил сообщение. В нем говорилось следующее: “Немецкие авиаторы с прискорбием сообщают о смерти двух английских авиаторов, которые были убиты после боя с нашими аэропланами. Английские авиаторы сражались очень храбро, но их аэроплан упал после пяти минут боя. Они погибли как герои и вызвали наше уважение. Их тела будут захоронены со всеми воинскими почестями”⁵⁸. Когда, в свою очередь, был сбит хорошо известный английским летчикам немецкий пилот Рудольф фон Эшвеге, англичане сходным образом известили об этом противника. Немцы сбросили на английские позиции флаг, венок и благодарственное письмо⁵⁹.

Английская пропаганда приписывала немецкой авиации обстрел госпиталей. По мнению военного врача А.С. Алпорта, служившего на Балканах, авиаторы противника никогда намеренно не бомбили госпитали во время войны. Его точка зрения подверглась в Великобритании серьезной критике⁶⁰.

“Во время войны 1914–1918 гг. англичане как никогда много контактировали с иностранцами, – отмечал знаменитый писатель Дж. Оруэлл. – В результате англичане вер-

⁵³ “Боже, покарай Англию” (Gott strafe England) – популярный в Германии тех лет лозунг. Его можно было увидеть на всевозможной сувенирной продукции – кружках, плакатах, перочинных ножах, марках, открытках и т.д.

⁵⁴ *Sinclair M.* A Journal of Impressions in Belgium. London, 1915, p. 50–51.

⁵⁵ *Edmonds Ch.* Op. cit., p. 202.

⁵⁶ *Fyfe H.* Op. cit., p. 10.

⁵⁷ A prose anthology, p. 39.

⁵⁸ *Jones H.A.* Over the Balkans and South Russia: being the history of № 47 squadron Royal air force. London, 1923, p. 33.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 94.

⁶⁰ *Alport A.C.* The Lighter Side of the War. Experiences of a Civilian in Uniform. London, 1934, p. 164–165.

нулись домой, ненавидя всех жителей Европы за исключением немцев, чьей отвагой они восхищались”⁶¹. К. Плейн, автор книги о британском обществе времен Первой мировой войны и сама современница описываемых ею событий, отмечала, что участники войны не выказывали ненависти к немцам. По словам Плейн, британцы понимали, что враг находится в таких же условиях, как и они сами, что немцев отравили сражаться “жестокие боги войны”⁶². В книге Плейн приводится обширный ряд доказательств в пользу этой точки зрения. Либеральная публицистка И. Купер-Уиллис также приводит свидетельства очевидцев войны, где они пишут родным: “Я надеюсь, ты не из тех германофобов. Здесь мало кто ненавидит врага... Не думай, что я трус. Просто я не хочу ненавидеть”⁶³. Противники воспринимались как люди того же несчастного поколения, чья молодость пришла на столь непростые годы.

* * *

В Британии, как и в ряде других стран, власти сделали всё возможное, чтобы Первая мировая война осталась в исторической памяти народа. В ноябре каждого года на одежде миллионов британцев и жителей доминионов можно видеть красные маки в память о полях Фландрии, где полегли их прадеды. Маленькие пластиковые цветы покупаются у благотворительного фонда поддержки ветеранов и вдов военнослужащих. Каждое второе воскресенье ноября центром Дня поминовения павших становится лондонский монумент Кенотаф. В одиннадцать часов утра к нему возлагают венки из маков в присутствии королевы, министров, генералов, церковных иерархов. Вся страна останавливается на две Минуты молчания.

При всей терпимости британского общества, события 1914–1918 гг. долгое время накладывали заметный отпечаток на отношения между народами Британии и Германии, на представления британцев о немецкой нации. В 20-е годы понадобились немалые усилия для преодоления межнациональной вражды и ксенофобии в отношениях двух держав, ранее гордившихся своей этнической и династической близостью. Проявления враждебности наблюдались и в недавнем прошлом. Это хорошо иллюстрирует любопытный случай, произошедший с немецким послом в Лондоне в 1990 г. Устав от постоянных нападок на немцев в английских таблоидах, он решил развеять предрассудки о своих соотечественниках⁶⁴. Придя в редакцию одной из самых скандально известных британских газет, посол дал двухчасовое интервью, употребив всё свое красноречие и мастерство дипломата, доказывая, что его страна вовсе не намерена создавать Четвертый рейх. Но посол имел несчастье приходится родственником легендарному “Красному барону”, асу времен Первой мировой войны Манфреду фон Рихтхофену. На следующий день посол открыл газету и увидел свою пацифистскую речь, озаглавленную «Hun talks to the “Sun”» («Гунн разговаривает с газетой “Sun”»)⁶⁵. Сколько бы ни говорили нам источники о том, что многие участники Первой мировой войны уважительно относились к своим врагам, годы, в течение которых продолжалась мировая бойня, миллионные жертвы так просто не вычеркнешь из памяти людей. Пожар ненависти разгорается легко; гораздо труднее его погасить.

⁶¹ Цит. по: *Paxman J. The English: a Portrait of a People. London, 1999, p. 29.*

⁶² *Playne C. Op. cit., p. 69.*

⁶³ *Cooper-Willis I. England's Holy War. London, 1928, p. 154.*

⁶⁴ Кампания в СМИ была связана с чемпионатом мира по футболу. Во время чемпионатов английская “желтая пресса” проводила антинемецкую кампанию, традиционно эксплуатируя тематику мировых войн.

⁶⁵ *Paxman J. Op. cit., p. 137.*